

технологии; термин «проектный бизнес»; «социальный проект»; «социальное проектирование» организации и т.д. В частности, термин «проектный бизнес» объединяет как управление несколькими проектами в отдельной компании, так и управление проектно-ориентированным предприятием и включает, в том числе, социальное проектирование организации (предприятия, бизнеса и т.д.)

При этом разработку социального проекта можно с большой долей достоверности считать и искусством, и наукой. Социологические, социально-психологические, статистические исследования чаще всего становятся отправной точкой рождения социального проекта.

Социальное проектирование – сложный феномен, природу и сущность которого определяет то, что это одновременно научно-теоретическая, предметно-практическая и социально-преобразующая деятельность, активность, направленная на исследование и изменение социума на различных уровнях на проектных основаниях.

Таким образом, определяем: социальное проектирование – это осуществление индивидом, группой или организацией деятельности,

направленной на достижение социально значимой цели и ограниченной по времени, месту и ресурсам. Сущность социального проектирования состоит в конструировании желаемых состояний будущего, «модели», «vision» (предвидения) организации, предполагающей разработку корпоративных (организационных) стандартов, формулирование стратегии и политики организации, ее организационной структуры, системы управления персоналом и принципов формирования управленческой команды.

Основа, главный стратегический «стержень» социального проектирования организации – создание, разработка, провозглашение и реализации на практике этических оснований социального проектирования данной организации.

Управление социальным проектированием – это менеджмент в действии, управление «живой» организацией, предприятием или учреждением, практическое гуманистическое преобразование действительности.

Балобанова Е.Г., г. Екатеринбург

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

За последние 15 лет в нашей стране было проведено немало исследований, посвященных среднему классу. Большинство результатов опубликовано на страницах периодических изданий, в виде отдельных монографий, статей в монографиях, часть представлена на сайтах различных исследовательских организаций. В этом плане 2007 и 2008 гг. являются одними из лидеров по представленности в социологической литературе и публицистике результатов исследований. Социологи сравнивают, как изменялись количественные характеристики среднего класса (далее – СК) в течение последних 10 лет, и какое влияние оказали современные экономические и социальные реформы на формирование в России среднего класса.

Оценки исследователей относительно результатов социально-экономических реформ в России не столь однозначны. Так, Р.Х. Симонян не видит поводов говорить о том, что в России складывается многочисленный средний класс, способный развивать высокотехнологичные отрасли экономики. Скорее наоборот, социальная структура российского общества резко поляризована и несбалансирована: при крайней малочисленности среднего потребительского слоя (это даже не средний класс) доля

населения, живущего ниже официального уровня бедности, составляет около 30%. «Столь стремительное усиление поляризации общества не может создать условия не только для формирования СК, но и просто для его консолидации» [5].

Такоже не столь оптимистичные выводы делает О.А. Юдина, акцентировав внимание в своем исследовании на демографических особенностях средних слоев российского общества [8]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что перспективы расширения средних слоев упираются сегодня в России в два основных обстоятельства. Во-первых, это маленький размер пенсий и детских пособий, что приводит к невозможности даже простого воспроизводства человеческого капитала во многих домохозяйствах потенциальных представителей среднего класса, имеющих в своем составе пенсионеров и детей, особенно дошкольников. И хотя по профессиональному статусу и образовательному уровню они должны относиться к средним слоям, из-за иждивенческой нагрузки они выбывают из последнего. Во-вторых, это специфика рынков труда малых и средних городов, для которых характерен относительно более низкий уровень зарплат профессионалов и полупрофессионалов на многих рабочих местах, составляющих "костяк" среднего класса, которая исключает возможность решения проблемы иждивенческой нагрузки на микроуровне. В результате решающую роль для попадания в состав средних слоев в современной России начинает играть зачастую не столько профессиональный статус и квалификация, сколько наличие иждивенцев и возраст.

Более позитивно оценивают ситуацию Л.А. Беляева и Е.М. Аврамова. Так Л.А. Беляева приводит данные исследования, проведенного Институтом сравнительных исследований в 2006 г. Один момент обращает на себя особое внимание – около четверти представителей среднего класса на сегодняшний день проживают на селе. Они образуют тонкий слой зажиточных и деятельных людей, которые имеют профессиональное образование, приобщаются к новым жизненным стандартам и расширяют свой бизнес. И хотя их доля в сельском населении очень низкая, менее 2%, это «наиболее перспективная, молодая, трезвая и работоспособная группа с точки зрения модернизации села» [2]. И еще один примечательный вывод – российский средний класс вполне осознает, что его формирование и постепенное улучшение положения связано с реформами, которые проходили в стране в последние 15 лет. Представители СК в два раза чаще, чем все опрошенные отмечали, что они выиграли в результате реформ, нежели проиграли. Таким образом, заключают авторы, активные и мотивированные группы населения, массово представленные средним классом, «это продукт развития России» за последние 15 лет. Е.М. Аврамова, подводя итоги 8-летнего правления В. Путина, которое она характеризует как «время упорядочивания и стабилизации, выхода из экономического кризиса и начала экономического роста» [1], отмечает, что социально-экономическая адаптация населения, вызванная глубокими трансформациями российского общества в целом закончилась достаточно позитивно. Ее результатом можно рассматривать расширившийся и укрепившийся СК, вышедший из маргинальных форм занятости и осуществляющий эффективную экономическую деятельность в различных секторах экономики. Оценка этого процесса могла быть гораздо более позитивной, если бы среди этих сфер в большей степени присутствовали инновационные отрасли.

Как мы видим, исследователи не имеют единого мнения относительно результатов реформ. Часть социологов полагает, что реформы способствовали формированию СК в России и позитивно оценивают количественные показатели выделяемой группы. Другие считают, что в российском обществе есть незначительная масса ин-

дивидуумов, которые вполне могут быть отнесены к СК по ряду существенных признаков. Но нет среднего класса как интегрированного субъекта, выполняющего свою специфическую экономическую и социальную – политическую функцию. А в условиях нестабильности, социальной напряженности и идейной неопределенности формирование данного класса в России весьма затруднительно.

В последнее время исследователи все чаще заостряют внимание на методологических проблемах в изучении данной темы. Дело в том, что многочисленные исследования так и не дали однозначного ответа на вопрос – какой средний класс мы изучаем? Ни классовый, ни стратификационный подход так и не дали «ключа» к пониманию феномена «российский средний класс», а значит мы до сих пор не можем выбраться из «методологической ловушки», разрываясь между западными концепциями среднего класса и российской реальностью. Возможно, надо ставить вопрос не об адекватности тех или иных критериев применительно к российскому среднему классу, а о том, на каком этапе развития находится российское общество в целом. Стратификационные критерии отражают не просто иерархическое неравенство групп (классов, слоев), они характеризуют определенный этап развития общества (в индустриальный период (по Д. Беллу) – это одни критерии, в постиндустриальный период (или информационную эпоху) – уже другие). Ряд отечественных исследователей полагают, что состояние российского общества с точки зрения его социальной структуры, а во многом – и общественного сознания, соответствует скорее Центральной Европе 1950-1960 годов, чем сегодняшнему состоянию европейского общества [3]. Если исходить из этого, то применяемый интегральный критерий «доход – социально-профессиональный статус/образование – самоидентификация» (существуют различные его вариации), разработанный зарубежными социологами в середине XX века, достаточно эффективно работает в рамках социальной стратификации российского общества и позволяет выделить в нем представителей СК. Если мы предполагаем, что наше общество перешло в постиндустриальную (или информационную) стадию развития, то анализ должен строиться на основе новых подходов, разработанных за последние 10-15 лет в зарубежной социологии и в соответствии с ними рассматривать российскую реальность. В этом случае снимается проблема применимости западных критериев к российскому обществу, которая является наиболее дискуссионной в отечественной социологии. Остается определить, на каком этапе развития находится наше общество.

В связи с этим стоит обратить внимание на статью О.И. Шкаратана и С.А. Инясевского в ОНС, в которой анализируются основные подходы и направления в изучении нового среднего класса в западной литературе [6]. Авторы отмечают, что в 1990-2000-е гг. разворачиваются серьезные трансформационные процессы, принципиально меняющие систему социальных отношений, позиции и облик социальных групп в наиболее развитых странах, перешедших в постиндустриальную стадию развития. Так, постепенно снимаются социальные различия между новыми средними классами и традиционным рабочим классом, происходит размывание СК. Эти новые тенденции еще практически не исследованы, а лишь нацупаны в работах отдельных западных исследователей (н-р, М. Кастельс описал их в своей работе «Информационная эпоха»). Авторы делают попытку эмпирического анализа этих новых «средних», или по выражению М. Кастельса, информационных работников [7]. Пожалуй, это одно из немногих исследований, выполненное на основе глубокого анализа современной зарубежной литературы по СК и учитывающее новейшие тенденции в развитии мировой экономики, которое даст нам возможность оценить, насколько в

современном российском обществе представлен класс информационных работников — новых представителей среднего класса. К сожалению, не все российские исследователи среднего класса, сопоставляя отечественные реалии с зарубежной практикой, проводят систематический анализ современных исследований и концепций зарубежных коллег; что зачастую приводит к серьезным методологическим ошибкам и искажает полученные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.
2. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // *Социологические исследования*. 2007. № 5. С. 3-13.
3. Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова по заказу Представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ. М., 2006.
4. Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 37-49.
5. Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Новый средний класс на западе // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С.49-66.
6. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 5-27.
7. Юдина О.А. Численность и демографические особенности средних слоев российского общества // *Социологические исследования*. 2008. № 10. С. 96-103.

Истомина А.Г., г. Пермь

ИДЕНТИФИЦИРУЕМ НЕИДЕНТИФИЦИРУЕМОЕ. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Термин «идентификация» прочно вошел в наш научный дискурс и стал настолько распространенным, что приобрел некий сакральный оттенок. Повальное обращение к этому слову трудно объяснить только модой, здесь, безусловно, присутствует попытка социологов связать происходящие глубинные трансформационные процессы, проникающие во все жизненные сферы с теми воздействиями, которые они оказывают на общество. Как объяснить то, что в начале XIX века мы задавались вопросом «Что такое прогресс?», «Какова роль личности в истории?», а в век информационных технологий и господства научного знания все чаще и чаще стали спрашивать себя «Кто мы? Ситуация парадоксальная и удивительная своей нетривиальной простотой. Между тем мы не будем пытаться разобраться в ней, а возьмем ее как некую данность и обратимся еще к одному термину.

Второй термин, который мы затронем, явно не укладывается сегодня в пространство модного дискурса. Мы имеем в виду понятие «интеллигенция». Сегодня среди социологов нет единого мнения в определении данного термина, что на наш взгляд является отражением существующей в российском обществе проблемы идентификации интеллигенции как со стороны ученых, так и со стороны самой интеллигенции.

Проблема операционализации как отражение проблемы идентификации

Прежде всего, выскажем небольшую критику в адрес тех определенных интеллигенции, которые на наш взгляд, не передают сущность последней, но, тем не менее, претендуют на это. В данных подходах лежит попытка редуцирования интеллигенции к политической, культурологической или образовательно-профессиональной категории.

1. Интеллигенция как политическая категория.